ВАШИНГТОН ИРВИНГ

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

КНИГА 4

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

ЦАРСТВОВАНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ВСПЫЛЬЧИВОГО

Вашингтон Ирвинг
История Нью-Йорка. Книга 4

https://litres.ru/74445902
SelfPub; 2026

Аннотация

Четвёртая книга «Истории Нью-Йорка» — самая шумная и суетливая в серии. На смену сомневающемуся Воутеру Ван Твиллеру приходит Вильгельм Кифт, прозванный Вспыльчивым, — маленький, сухой, с огненными глазами и вечно раздражённым видом. Его правление — сплошной переполох: война с янки, захватившими форт Гуд-Хоп, устричный крестовый поход против чеканщиков раковин, конфликты со шведами на Делавэре, распря с патроном Ренсселером из-за острова Беерн, а также бунт собственных подданных, возмущённых запретом на длинные трубки. Губернатор воюет прокламациями, обороняется ветряными мельницами и озадачивает всех таинственным дипломатическим жестом. Но все его изобретательные планы неизменно дают осечку. Ирвинг с неизменным юмором рисует трагикомический портрет властителя, который пытается объять необъятное, а в итоге сгорает дотла, оставляя после себя лишь дым и разорванные бумаги.

Содержание

Глава 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Вашингтон Ирвинг
История Нью-Йорка. Книга 4

Глава

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР
Книга четвёртая
ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА
Вашингтон Ирвинг
Перевод с адаптацией для современного читателя

Протест

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогой читатель!

Четвёртая книга «Истории Нью-Йорка» — самая беспокойная из всех. Если предыдущий губернатор, Воутер Сомневающийся, только курил трубку и размышлял, то его преемник, Вильгельм Кифт, прозванный Вспыльчивым, — маленький, сухой, с горящими глазами и вечно недовольным лицом, — принимается за дело с одной целью: навести порядок. И тотчас ввязывается в войну на всех фронтах сразу.

С янки, что захватывают форты и сажают лук под самым носом у голландцев. Со шведами, высаживающимися на Делавэре. С патроном Ренсселером, что строит крепость на острове Беерн. И даже с собственными подданными, которые в ответ на запрет курить длинные трубки поднимают бунт.

Воюет Кифт по-своему — прокламациями: он изобрёл новый вид оружия, бумажный указ с большой печатью, действующий примерно как холостой выстрел. При этом губернатор не унывает: строит ветряные мельницы на бастионах, недурно управляется с дубинкой (как показали события в Ойстер-Бей) и удивляет всех своей дипломатией — особенно когда его посол возвращается с одним выразительным жестом: пальцем у носа.

За внешним фарсом у Ирвинга, как всегда, скрывается

точная и добрая насмешка — над суетливостью, самонадеянностью и верой в то, что любую проблему можно решить бумажкой.

Вас ждут устричные крестовые походы, триумфы с вялеными тресками, партии «длинных» и «коротких» трубок и, наконец, таинственное исчезновение Вспыльчивого — под занавес самой запутанной из здешних комедий.

Н. Г.

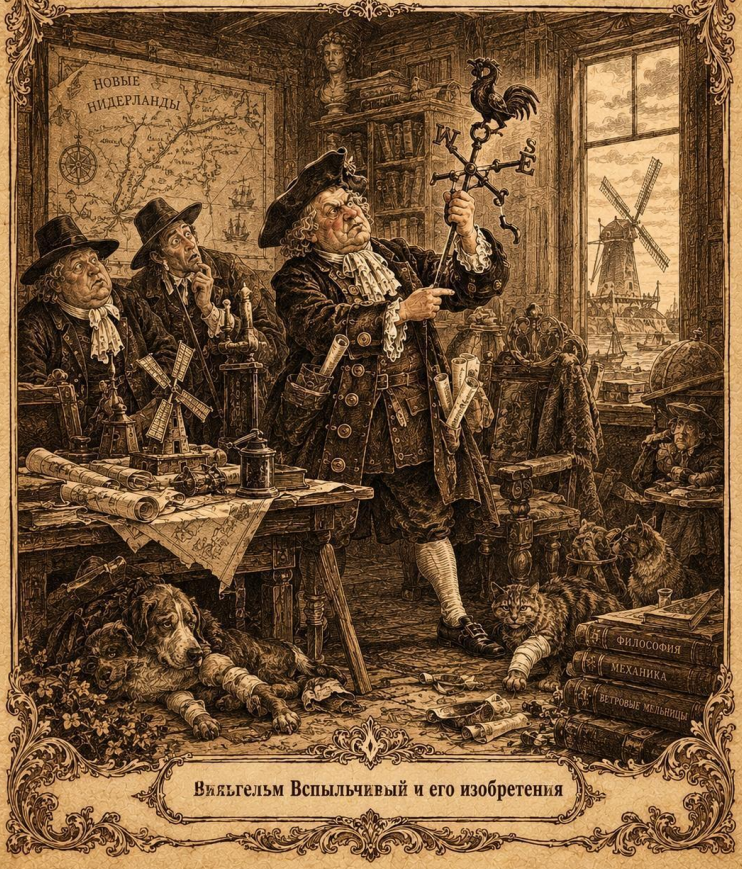
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Содержащая хронику царствования Вильгельма Вспыльчивого

ГЛАВА I

КНИГА IV

ГЛАВА I

Вильгельм Вспыльчивый и его изобретения

Когда возвышенный Фукидид готовится приступить к описанию чумы, опустошившей Афины, один из его новейших комментаторов заверяет читателя, что теперь история сделается чрезвычайно торжественной, серьёзной и трогательной, — и намекает, с тем довольным причмокиванием, с каким добрая хозяйка достаёт из буфета лакомый кусочек, дабы угостить любимца, что эта чума придаст его повествованию весьма приятное разнообразие.

Подобным же образом взыграло и моё сердце, когда я подошёл к горестной дилемме форта Гуд-Хоп, кою тотчас распознал как предвестие целого ряда великих событий и занимательных бедствий. Таковы истинные предметы для пера историка. Ибо что есть история, по сути, как не своего рода тюремная хроника — реестр преступлений и бедствий, что человек причинил своим ближним? Это огромный поклёп на человеческую природу, к коему мы усердно добавляем страницу за страницей, том за томом, точно возводим памятник во славу, а не в бесчестье нашего рода. Если перелистать страницы этих летописей, что человек написал о самом себе, то кто те персоны, удостоенные звания великих и превозносимые на восхищение потомства? Тираны, разбойники, завоеватели, прославленные лишь величиной своих злодеяний и чудовищностью причинённых человечеству обид и бедствий, — воители, нанявшиеся в ремесло крови не из

побуждений добродетельного патриотизма и не ради защиты обиженных и беззащитных, но лишь ради хвастливой славы искусно и удачливо истреблять себе подобных! Что за великие события составляют блистательную эпоху? Падение империй, опустошение счастливых стран, великолепные города, дымящиеся в своих развалинах, гордейшие творения искусства, поверженные во прах, вопли и стенания целых народов, восходящие к небесам!

Так можно сказать, что историки процветают на бедствиях человечества, точно хищные птицы, что кружат над полем битвы, дабы насытиться могучими мертвецами. Один великий прожектёр внутреннего судоходства заметил, что реки, озёра и океаны сотворены единственно для того, чтобы питать каналы. Подобным же образом я склонен полагать, что заговоры, козни, войны, победы и резня предустановлены Провидением единственно как пища для историка.

Немалое удовольствие доставляет философам, изучающим чудесную экономию природы, прослеживать взаимную зависимость вещей — как они созданы взаимно друг для друга, и как самое зловредное и, казалось бы, ненужное животное имеет свою пользу. Так те рои мух, что столь часто проклинают как бесполезных паразитов, созданы на пропитание паукам; пауки же, в свой черёд, явно созданы для истребления мух. Так и те герои, что были столь тяжким бичом мира, были щедро дарованы в качестве тем поэту и историку, тогда как поэт и историк были предназначены запечатле-

вать деяния героев!

Все эти и многие подобные размышления естественно пришли мне на ум, когда я взялся за перо, дабы начать царствование Вильгельма Кифта; ибо теперь поток нашей истории, доселе катившийся спокойным течением, готовится навеки покинуть свои мирные пределы и с рёвом устремиться сквозь немало бурных и суровых сцен.

Подобно тому как некий лоснящийся вол, погружённый в сытный покой клеверного поля, дремлющий и жующий свою жвачку, стерпит немало ударов, прежде чем поднимется на ноги, так и провинция Новых Нидерландов, разжирев под сонным правлением Сомневающегося, нуждалась в тумаках и пинках, дабы пробудиться к действию. Читателю теперь предстоит стать свидетелем того, как мирная община движется к состоянию войны, — движение, обыкновенно схожее с приближением лошади к барабанному бою: много гарцевания и мало продвижения, а нередко и вовсе задом наперёд.

Вильгельмус Кифт, взошедший в тысяча шестьсот тридцать четвёртом году на губернаторское кресло, — если позаимствовать излюбленное, хоть и неуклюжее выражение современных фразеологов, — был знатного происхождения: отец его состоял смотрителем ветряных мельниц в древнем городе Саардаме; а наш герой, как нам сообщают, ещё мальчиком проводил весьма любознательные изыскания в природе и устройстве этих машин, что и стало одной из при-

чин, почему он впоследствии сделался столь изобретательным правителем. Имя его, по мнению наиболее достоверных этимологов, было искажением слова «Кайвер», то есть спорщик или бранчливый человек, и вполне выражало отличительную черту его семейства, что на протяжении почти двух столетий держало ветреный город Саардам в горячей воде и производило больше сварливых зануд и вспыльчивых крикунов, нежели любые десять семейств в округе; и столь верно унаследовал он эту семейную особенность, что не пробыл на посту правителя провинции и года, как его единодушно прозвали Вильгельмом Вспыльчивым. Наружность его вполне соответствовала имени. Был он бойким, жилистым, осиным маленьким старым джентльменом, из тех, каких порой можно встретить и поныне, ковыляющим по нашему городу в широкополом кафтане с исполинскими пуговицами, в треуголке, сдвинутой на затылок, и с тростью высотой ему по подбородок. Лицо его было широко, но черты остры; щёки его, опалённые до тёмно-красного оттенка, обрамляли два огненных маленьких серых глаза, нос его был вздёрнут, а уголки рта опущены книзу, весьма схоже с мордой раздражённого мопса.

Мне доводилось слышать замечание одного глубокого знатока человеческой физиологии, что если женщина полнеет с течением лет, срок её жизни делается несколько шатким, но если она, напротив, усыхает с возрастом, то живёт вечно. Таковым, судя по всему, суждено было стать и Вильгельму

Вспыльчивому, что делался тем крепче, чем более иссыхал. И вправду, иссох он не от бремени лет, но от тропического жара своей души, что горела в его груди, точно неистовая лучина, побуждая его к беспрестанным ссорам и перебранкам. Древние предания немало говорят о его учёности и о тех доблестных набегах, что он совершал на мёртвые языки, в коих пленил целое воинство греческих существительных и латинских глаголов и вывез богатую добычу древних изречений и афоризмов, кои имел обыкновение выставлять напоказ в своих публичных речах, точно триумфующий полководец древности — свои spolia opima. В метафизике он смыслил довольно, дабы привести в замешательство всех слушателей, да и самого себя впридачу. В логике он знал наперечёт всё семейство силлогизмов и дилемм и так гордился своим искусством, что никогда не позволял даже самоочевидному факту пройти без спора. Впрочем, было замечено, что он редко вступал в спор без того, чтобы не впасть в затруднение, а затем и в ярость на противника за то, что тот не желал убеждаться даром.

Более того, он изрядно поупражнялся на границах нескольких наук, питал слабость к экспериментальной философии и гордился изобретениями всякого рода. Его резиденция, устроенная им на небольшой ферме, или загородном поместье, невдалеке от города, как раз там, где ныне зовётся Датч-стрит, вскоре преисполнилась доказательствами его изобретательности: патентованные дымовые вертела, для

работы коих требовалась лошадь; голландские печи, жарившие мясо без огня; телеги, ехавшие впереди лошадей; флюгера, поворачивавшиеся против ветра, — и прочие несуразные измышления, повергавшие в изумление и замешательство всех очевидцев. Дом его, кроме того, кишел парализованными кошками и собаками, предметами его экспериментальной философии; и вой да визг этих несчастных жертв науки, покуда те содействовали приумножению знания, вскоре снискали месту имя «Собачье Горе», под коим оно известно и по сей день.

В знании, как и в плавании, тот, кто барахтается и плещется на поверхности, производит больше шума и привлекает больше внимания, нежели ловец жемчуга, что тихо ныряет за сокровищами на дно. Обширные познания нового губернатора служили предметом изумления среди простодушных бюргеров Нового Амстердама; он расхаживал по поселению столь же учёным мужем, как какой-нибудь пекинский бонза, одолевший половину китайской азбуки, и был единодушно провозглашён «универсальным гением!».

На своём веку мне довелось знавать немало гениев подобного склада; но, говоря по чистой совести, я не встречал ни одного, кто для обыденных надобностей жизни стоил бы своего веса в соломе. В этом отношении крупица здравого суждения и простого здравого смысла стоит всего блистательного гения, что когда-либо слагал стихи или изобретал теории. Посмотрим же, как эти всеобъемлющие познания Вильгель-

ма Вспыльчивого послужили ему в делах правления.

ГЛАВА II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.